

- Ты уверена, что это точно не наш поворот? Мы уже два проехали, скоро село кончится.
- Наш будет следующий. За домом с зеленым забором, не доезжая до гастронома. Мы сейчас должны, как в прошлый раз, проехать водонапорную станцию, и метров через триста будет нужный поворот.

Леля метнула в сторону пассажирского сиденья недоверчивый взгляд, но у поворота все-таки не притормозила.

- Черт ногу сломит, – буркнула она, когда по правую сторону наконец показалась водонапорная станция.

Таня, зная, что Леля могла бы заблудиться, даже если бы дверь ее квартиры в центре города и место назначения в деревне Радушкино связывала абсолютно прямая свежесфальтированная дорога, промолчала. Ее внимание было поглощено мужчиной, набиравшим воду у станции, – вернее, его нарядом, смело сочетавшим в себе потасканную соломенную шляпу-федору, полиэстеровые треники и голый торс.

Красный мини-купер, ползший по проселочной дороге, вызвал в мужчине ответный отклик. Сначала он пристальным взглядом окинул номера машины, а затем, видимо, разглядев в них нечто удовлетворительное, помахал рукой и улыбнулся. Во рту у него не хватало нескольких зубов.

До этого Таня с тоской думала о тепле июньского солнца и вкусе холодной воды из станции, но от вида покрытой неровным загаром руки с волосатой подмышкой ее передернуло.

- У тебя новый поклонник, – бросила Таня, пытаясь отвлечься.
- Отношения на расстоянии – не моя тема, – рассеянно ответила Леля.

Ее ручки в красных кожаных перчатках вцепились в руль. Леле пришлось получать права спешно, и водила она пока нервно и без аппетита – значительно хуже, чем Таня.

- Но я могу передать ему, что у меня есть двоюродная сестра в активном поиске с фантастическими навыками ориентирования в сельской местности.

Леля как раз проехала дом с зеленым забором и, благодарно улыбнувшись Тане, выкрутила руль влево.

Таня представила себе ситуацию, где на свидание вместо миниатюрной Лели с ее херувимскими кудряшками и теплыми, румяными щечками приходит она, Таня... Ей вдруг вспомнилась беззубая улыбка мужика у водоколонки, и Таня поежилась. Настроение думать о романтике пропало совсем.

Машина тем временем подкатила к обнесенному высокой каменной стеной участку. Леля с Таней въехали в распахнутые ворота, миновали припар-

Голос у Лели сильно повеселел, стоило ей заглушить мотор, поэтому даже эта нелепая, заученная фраза прозвучала из ее уст обнадеживающе и легко. Леля швырнула перчатки на заднее сиденье и вылезла из машины.

кованный у стены черный внедорожник и последовали по широкой подъездной дорожке к дому.

Было очевидно, что облицованное голубой штукатуркой приземистое здание когда-то было помещицей усадьбой. Дом отреставрировали и отчасти перестроили, но от него веяло тяжеловесным до-революционным величием. Второй этаж был увенчан причудливым мезонином, крыльцо окружали белокаменные колонны. Не хватало разве что конной брички у самого входа.

Вокруг дома разлилось зеленое море сада. Судя по разросшимся кустам и сплетшимся ветвям фруктовых деревьев, участком давно никто не занимался. Густая зелень листья тревожно трепетала на ветру и отбрасывала на Лелино лицо неровные тени, пока машина медленно приближалась к дому.

Леля затормозила метров за пятьдесят от дома. Оттуда было хорошо видно, что на крыльце ее уже ждут хозяева.

– Я не могу поверить, что ты до сих пор на это ведешься, – покачала головой Таня, глядя, как Леля стаскивает со вспотевших рук перчатки. – Вроде бы большая девочка, эксперт...

– Есть новые исследования, подтверждающие опасность энергетической контаминации во время сеансов проводов.

Голос у Лели сильно повеселел, стоило ей заглушить мотор, поэтому даже эта нелепая, заученная фраза прозвучала из ее уст обнадеживающе и легко. Леля швырнула перчатки на заднее сиденье и вылезла из машины. Потом, опершись плечом о дверь,

окинула Таню шаловливым взглядом и едва слышно добавила:

– К тому же это очень запоминается клиентам. Проникаются, типа, уважением.

Она захлопнула дверь и пошла доставать из багажника большую спортивную сумку.

– А вот и я!

Леля приветственно вскинула руку, зашагав к крыльцу. Походка ее была как всегда энергичной, что на этот раз не шло ей на пользу: с каждым шагом повешенная на плечо увесистая сумка, как маятник, колотила ее по бедру.

Со стороны дома ответа не прозвучало – клиентка только натянуто улыбнулась и бросила отчаянный взгляд в сторону черного внедорожника. Застывшая на опрятном белокаменном крыльце рядом с сыном-подростком, лениво постукивавшим пальцами по экрану телефона, она напоминала запертую в игрушечном домике куколку.

– Я все сделала, как вы просили, – пробормотала клиентка, когда Леля вскарабкалась по каменным ступенькам. – Деньги и пульт от ворот оставила в прихожей, а ту мебель, которая вам нужна, вытащила из чехлов. Вай-фай выключила. Ключи – вот.

Она протянула Леле дверной ключ, прикрепленный к простому железному кольцу. В белых клиенткиных пальцах, в почти неприличной близости от нескольких десятков карат, ключ выглядел массивным и уродливым, но стоило ему опуститься в маленькую Лелину ладошку, он вдруг приобрел надежный и даже благородный вид.

– Спасибо. Сделаю все, что смогу, – пообещала Леля. – Наберу вас завтра с утра, хорошо?

Клиентка только кивнула. Во взгляде ее читалась надежда на скорое избавление, но Таня была не до конца уверена, с чем это связано: с верой ли в Лелин профессионализм или с черным внедорожником, маячившим у ворот.

Когда клиентка с сыном уже спустились с крыльца, мальчик, до этого полностью игнорировавший Лелю, остановился, поднял на нее глаза – точно такие же, как у матери, но пока еще незамутненные, – и вдруг спросил:

– А вам вообще не страшно оставаться тут одной?

Леля только беззаботно улыбнулась и поставила сумку на землю.

– Мне ведь не впервой одной.

Мальчик смерил Лелю, стоящую на пустом крыльце, разочарованным взглядом и, не утруждая себя дальнейшими комментариями, пошел за матерью.

– Врушка, – сказала Таня, глядя, как отдаляются от дома фигуры хозяев.

Из-за клочка тучи как раз выглянуло солнце, и его тусклый свет, лишь слегка преломившись, пронзил Танино призрачное тело насквозь.

– Мне платят за то, чтобы я изгнала с их дачи привидение, – пожалла плечами Леля, вставляя в дверной замок ключ. – Вряд ли они мне дадут на чай, если узнают, что я притащила сюда еще одно.

Она распахнула входную дверь и махнула рукой в сторону затхлой темноты прихожей.

– Залетай, сестер!

* * *

Пока Леля белым мелком чертила на полу формулы, Таня успела заполнить в кроссворде почти все слова по вертикали.

– «Последние слова», восемь букв.

– А? – рассеянно отозвалась Леля. Она как раз проверяла начерченную по кругу вязь заклинания. – Слушай, не проверишь вот этот участок? У меня с дореформенной орфографией ведь не очень.

Таня подплыла к сидевшей на корточках Леле и пристально взгляделась в белые буквы, почти светившиеся в полумраке гостиной.

– «И да прииде на ны покора, яко во языцех древних еси...» вроде бы нормально. И тетраграмма получилась хорошая.

– Правда? – засияла Леля. – А я переживала.

Таня авторитетно кивнула. У Лели и правда всегда было не очень с магическими символами. Она слишком старалась рисовать их аккуратно и симметрично, по многу раз стирала, начинала заново – и в итоге путалась в деталях, имевших наибольшее значение. В детстве их бабушка шутила, что подарит Леле на день рождения циркуль для мелков, как у школьной математички.

– Да-да, вышло просто отлично, – подтвердила Таня. – Даже исландские знаки почти идеальные, только на верхнем углу вон того стафуса черточки дорисуй.

Леля досадливо цокнула языком и бросилась исправлять руническую закорючку над словом «изыйдя», но скрыть победной улыбки, даже закусив губу, не смогла. Таня вернулась к своему кроссворду.

– Так что, восемь букв, «последние слова»?

– Может, «концовка»?

– Нет, шестая должна быть «н», у меня тут стопроцентный «донжон» по горизонтали. «Эпитафия» тоже не подходит.

– «Завершение»?

– Леля, ты вообще считать умеешь?

– Тогда не знаю.

Леля стояла руки в боки и осматривала проделанную работу.

В центре комнаты стояли резной журнальный столик и кресло с шелковистой зеленой обивкой. Их надежно обвивал Лелин круг, кружевом стелившийся по паркету.

Туши остальной мебели, спрятанной в белые чехлы, поглубели в черничных сумерках, и казалось, что гостиную полностью затопило холодной водой. От огромных окон к кругу по полу тянулись тусклые прямоугольники света. В другом конце комнаты шерил черную пасть камин, над которым висела потускневшая от времени икона. Неживой взгляд старика с нимбом впивался в узор обоев на стене напротив.

– Вообще вкус у них для середины нулевых был довольно неплохой, – отметила Таня, поднимая голову от кроссворда. – У меня такое ощущение, что они хотели инвестировать в антиквариат, но дизайнеры попилили бюджет и просто заказали им хорошую, человеческую мебель. Диван тебе тоже понадобится?

Таня указала на софу, стоявшую поодаль от круга. Софу тоже вытащили из кофра и даже забросали подушками с шелковыми кисточками в тон обивке.

– Конечно. Не буду же я всю ночь тут стоять на ногах.

Леля как раз копошилась в сумке, из недр которой уже успела извлечь несколько перевязанных бечевкой толстых свечей, судок с бутербродами и термос.

– Ага, вот и он!

Она наконец выудила из сумки толстую книгу-альбом. Обложка глянцево сверкнула у нее в руках.

– Это еще что такое? – оживилась Таня. Она зашла к журнальному столику, куда Леля положила книгу. – «История моды с 18-го по 20-й век»? Для чего тебе это?

– А это уже реально для проводов, – объяснила Леля, опускаясь на софу. – Возлагаю на нее большие надежды. Она, вообще-то, восемь тысяч стоит. И, увидев выражение Таниного лица, быстро добавила: – Я у подружки одолжила.

Таня недоверчиво уставилась на книгу.

– Что это за дух вообще такой? Я, конечно, поняла, что это относительно безобидная барабашка, но чтоб настолько...

Привидение, по описанию клиентов, было действительно не слишком злобным. Так, пару раз мелькнуло в зеркале, когда кто-то чистил зубы, время от времени баловалось с электричеством

и оживляло картины, бродило ночью по саду и завывало в коридорах. Хозяев это, конечно, пугало до ужаса – тем более учитывая, что дух отвалил нескольких риелторов, – но до настоящей жести, по Таниному опыту, тут было далеко.

Прошлой весной они с Олей изгоняли из женского общежития призрак комендантши. Вот тогда им пришлось здорово помучиться: комендантша в душе поливала студенток кровью вместо воды, натравливала тараканов и крыс, громила кухни, а ночью любила зависнуть в воздухе над кроватями – обычно сантиметрах в тридцати от лиц спящих.

– Я пробила нашу барабашку через медиума, – заявила Леля. – История там довольно некрасивая.

Леля готовилась поужинать бутербродами и как раз вытирала руки влажной салфеткой. Таня на мгновение представила, как прохладная ткань скользит по подушечкам Лелиных пальцев и стирает мелкую белую рябь меловых отпечатков. Она поднесла к лицу собственные прозрачные пальцы, серебристо мерцавшие в сгушавшихся сумерках, но отпечатков пальцев, как обычно, различить не сумела.

– Звали ее Катериной Ивановной. Умерла в 1863-м. Отец у нее был столичный чиновник, причем вроде как довольно прогрессивный. Так что юность она провела ярко. А потом ее сплестили замуж за здешнего помещика, который был на двадцать лет ее старше.

– Ничего себе прогрессивный родитель.

– Ну да, считай, отец года. В общем, проторчав в Растушкино несколько лет практически без права выезда, Катерина Ивановна заскучала...

– Только не говори, что она начала пытаться крестьян и купаться в девичьей крови, – перебила Таня и с еще большим скепсисом глянула на журнальный столик.

– Нет-нет, тут другой случай, – поморщилась Леля. – Она влюбилась. Как водится, в какого-то бедного родственника мужа, приехавшего погостить. А муж узнал об интрижке и прилюдно избил ее. Причем в прямом смысле прилюдно: среди бела дня выволок за волосы во двор и при слугах отметелил до полусмерти. Бедный родственник при этом тоже вроде как присутствовал, но активной позиции решил, судя по всему, не занимать. Наша Катерина Ивановна унижения не вынесла и вскоре одной весенней ночью повесилась в саду на абрикосовом дереве.

Таня представила себе розоватую пену цветений, среди которой колыхалось застывшее белое тело в ночной рубашке, и холодные пальцы ног, то

и дело задевающие лепестки. В безмолвии дома ей вдруг почудилось едва слышное поскрипывание веревки.

– И все это ты выведала через медиума? – почти восхищенно спросила Таня.

– Ага. Могу даже весь имел показать. – Леля прожевала кусок бутерброда и нехотя добавила: – Катерина Ивановна в областной тусовке непокойшихся что-то вроде знаменитости. Поэтому по *той* сторону ее хорошо знают.

За время своего рассказа Леля успела поужинать – она всегда ела с молниеносной скоростью. Таня так привыкла к Лелиной болтовне с набитым ртом, что больше даже не обращала внимания на чавканье.

Леля отодвинула судочек и поднялась с софы.

– Ладно, мне кажется, время пришло. Пойду зажигать свечи.

Комкая в руках очередную влажную салфетку, она направилась к кругу.

Пока Леля возилась со свечами, Таня подлетела к дивану и призвала кроссворд. На то, чтобы маленькая тетрадка с противным шорохом проползла с одного конца гостиной до другого, у нее ушло немало сил.

Телекинез давался Тане очень тяжело. За время своего призрачного существования она разве что кое-как научилась переворачивать страницы и заполнять клеточки кривыми буквами – почему-то всегда ядовито-зелеными и светящимися в темноте. Шрифт – особенно в сочетании с такими словами, как «карбюратор» или «подгузник», – смотрелся очень экстравагантно.

Таня уже было вернулась к кроссворду, но вдруг заметила на сиденье открытый судок, в котором лежали две аккуратные половинки бутерброда.

– Что это, Леля?

Леля встревоженно вскинула голову. В свете зажженных свечей ее волосы сияли, как золото.

– Мы ведь это уже сто раз обсуждали. Ты просто переводишь еду, я не...

– Знаю-знаю, – начала оправдываться Леля. – Но мне так легче. И я все равно делаю два больших с разными начинками...

– А мне не легче! – отрезала Таня. – Это просто издевательство какое-то!

Слова ее прозвучали более сердито, чем ей хотелось бы, но, раздраженная очередным сражением с гравитацией за книжку кроссвордов, она не смогла сдержаться.

– Ты же знаешь мою гастрономическую ситуацию, – добавила она чуть мягче.

Что-то все настойчивей и чаще билось в стену, а затем и в закрытую дверь гостиной, пока не начало казаться, что разнобойный стук исходит со всех сторон.

Леля потупилась. Она как раз зажигала последнюю из свечей, расставленных вдоль круга. Теплое сияние пламени словно впитало в себя остатки дневного света. Вне круга гостиную окутала тьма.

- Прости меня, пожалуйста. Я слишком привыкла...
- Да ничего, – бесцветно отозвалась Таня. – Ты лучше начинай уже, пока полночь не пробило.

Леля, все еще не глядя на Таню, поднялась с пола, отряхнула колени и вышла из круга. Дом вокруг них замер, как хищник, готовящийся к прыжку. В полумраке можно было различить белки глаз иконы, таравившейся теперь, казалось, прямо на Лелю.

Леля достала из кармана джинсов красную записную книжку и принялась негромко читать заклинание призыва. У самых ее ног подрагивало пламя свечей. Монотонное бормотание стелилось по комнате, сплетаясь с дыханием дома. Несмотря на то что окна в комнате были закрыты, Тане показалось, что полы тяжелых портьер едва заметно заколыхались.

- ...Тако заклинаю тебя, душе, в кругу сем могучем ныне постать и лик смерти своей из холода небытия явить!

На мгновение дом снова затих – даже портьеры перестали колыхаться. Ничего не происходило. Леля приподняла брови и стрельнула в Таню озадаченным взглядом.

Вдруг откуда-то сверху донесся приглушенный стук, словно на втором этаже что-то ударилось об пол. Несколько секунд спустя стук повторился – и вдруг переместился с потолка за стену. Что-то все настойчивей и чаще билось в стену, а затем и в закрытую дверь гостиной, пока не начало казаться, что разнобойный стук исходит со всех сторон.

Казалось, что гостиная находится внутри огромного барабана. Леля испуганно зажала уши руками, Таня чуть инстинктивно не повторила за ней.

И тут стук резко затих.

В ту же секунду в камине с громким треском вспыхнул белоснежный огонь.

Ошарашенная Леля повернулась к нему лицом и едва успела отшатнуться: свечи у ее ног резко загорелись таким же искрящимся пламенем. Мощным столбом огонь взметнулся к самому потолку.

Со всех сторон на комнату лавиной снова ринулся кошмарный стук. Оконные стекла и картины на стенах гулко задрожали, а портьеры теперь уже совершенно точно развевались на несуществующем ветру.

Сквозь стену пламени в кругу начали проступать очертания белой фигуры. Она постепенно обрела плоть, словно высасывая свет прямо из огня, пока наконец полностью не предстала перед Таней и Лелей.

В метре от пола висела в воздухе женщина в пышном белом платье. Ее длинные волосы парили и извивались вокруг нее, как черные змеи. На бескровном лице цвели синяки, местами уже начавшие зеленеть. Один глаз полностью тонул в черноте кровоподтека, а кожу на шее разделяла надвое толстая полоска красной раны.

Рот призрака медленно раскрылся, и из него вдруг донесся свистящий хрип – словно открылась воронка, грозившая засосать в себя все живое.

- Леля!.. – громко позвала оцепеневшую сестру Таня.

Леля застыла, не отводя взгляда от призрака. Даже с другого конца комнаты Таня видела, как быстро опускается и поднимается ее грудь.

Таня понеслась к Леле, стоявшей у самого края круга, не в силах выдать из себя ни звука. Ее зеленые глаза расширились от ужаса, ноздри бешено раздувались.

- Леля, давай! – что есть духу закричала Таня.

И Леля вдруг зажмурилась и заорала строчки заклинания:

- Властью руки, начертавшей сей круг, к покорству тебя призываю! Сим воцарюсь над тобою, душа, доколе луна не растает!

Хрип тотчас замолк, и белую фигуру дернуло, словно внутри круга произошло небольшое землетрясение. Картины, колотившиеся о стены, успокоились, исчез стук. Огонь в камине поугас и приобрел привычный золотистый оттенок. Только полы портьер продолжали щекотать паркет.

- Как ты смела вторгнуться сюда, невымытая девка? И как дерзнула ты даже помыслить приказывать мне?

Чистый, высокий голос призрака резонировал в стенах и доносился, казалось, сразу отовсюду.

Таня подумала, что будь у нее кожа, по ней бы от этого голоса побежали мурашки.

- Добрый вечер, Катерина Ивановна! – как можно увереннее начала Леля, несмело опустив от ушей руки. В голосе ее сквозила паника.
- Меня зовут Алена, я профессиональная проводница и потомственная ведунья. Очень приятно с вами познакомиться.
- И что с того, Аленка-холопка? – холодно осветомилась Катерина Ивановна, все еще парившая в воздухе и оттого глядевшая на Лелю снизу вверх. – Мне стоит лишь щелкнуть пальцем, чтоб избавить себя от твоего докучливого присутствия. Глупо было приходиться сюда одной-одинешеньке.

Таня с горечью поняла, что Катерина Ивановна ее не видит. Впрочем, она не удивилась. Полноценные духи практически не замечали ее с тех пор, как она умерла, – и разве что кот-полтергейст, которого Леля изгоняла в конце апреля, пару раз потерялся о Танины бесплотные ноги.

- Катерина Ивановна, я приношу вам свои извинения за то, что потревожила, – начала Леля. – Я понимаю, как сильно вам это докучает. Но прошу вас, давайте обойдемся без взаимных оскорблений. Позвольте лучше показать вам кое-что, что вас, я уверена, заинтересует.

Таня бы вела этот разговор совсем по-другому. Заклинение покорности гарантировало проводнику полную власть над призраком до самого рассвета, когда неуспокоившиеся и так теряли большую часть своих сил. Если бы Леля сейчас велела Катерине Ивановне попрыгать на одной ножке и продекламировать монолог из фильма «На игле», Тане оставалось бы лишь приготовить попкорн и слушать, как Катерина Ивановна просит ее «выбрать жизнь».

Вместе этого Леля дружелюбно улыбнулась привидению и сказала:

- Присядьте, пожалуйста, в кресло. На журнальном столике лежит книга специально для вас.

Катерина Ивановна недоверчиво прищурилась, а потом резко подлетела к самому краю круга и на несколько долгих секунд приблизила свое изуродованное лицо прямо к Лелиному. Леля взгляд ее черно-белых глаз выдержала.

- Très bon, меня даже забавляет твоя дерзость, – наконец протянула Катерина Ивановна и, стремительно развернувшись, полетела обратно. Голос ее все еще гулко отражался от оконных стекол.

Со старомодным изяществом она опустилась в кресло. Из-за пышной белой юбки при этом каза-

лось, что кто-то полил сиденье взбитыми сливками из огромного невидимого баллона.

Леля на мгновение обернулась к Тане. Вид у нее был все еще слегка обалделый, но уже более уверенный. Таня ободряюще улыбнулась сестре.

- В общем, Катерина Ивановна, то, что вы видите перед собой, – это иллюстрированная история моды с 18-го по 20-е столетие, – заговорила Леля, шагая вдоль круга по направлению к креслу.

Таня следовала прямо за ней.

- Вы женщина с широким кругозором и пытливым умом. Наверняка вы очень хорошо разбираетесь в моде вашего периода. Однако вы точно заметили, что с момента вашего ухода из жизни многое в женском облике поменялось, и мне кажется, что эта книга даст ответы на все волнующие вас вопросы.

- Oui, c'est vrai! – неожиданно живо отозвалась Катерина Ивановна. Голос ее при этом звучал уже не так потусторонне. – В особенности сии чудные панталоны, в которые убрана ты. И та каракатица, увешанная чудовищными бриллиантами. А кринолин, что случилось с кринолином?!

- Мне будет проще объяснить, если вы откроете книгу на странице 43, Катерина Ивановна, – ответила Леля, подойдя к самой черте круга, поближе к столику. – Вот видите, примерно этот период вы и застали. Классические корсеты для женщин высшего круга, пышные юбки...

Она начала кратко, но красочно объяснять привидению, как успела поменяться женская одежда за последние полтора столетия. Таня тихонько хмыкнула. Как и многие призраки, страдавшие от нехватки общения, Катерина Ивановна быстро забыла свои угрозы про «щелчок пальцев».

Жадно и, как с завистью отметила Таня, без всяких усилий привидение перелистывало страницы белыми пальцами и задавало вопросы об одежде, косметике и формах досуга. Каким-то чудом к монументальным темам вроде революции и войны Катерина Ивановна оставалась совершенно равнодушной. Зато когда дело дошло до фотографий моделей в бикини, она почти три минуты только и могла, что истерически хихикать.

Разглядывание альбома длилось почти час. За это время Таня сумела хорошо рассмотреть Катерину Ивановну и с удивлением обнаружила, что та умерла очень молодой – возможно, даже раньше самой Тани. На вид привидение было ровесницей Лели. На Таню накатила щемящая тоска.

Несмотря на круг магических формул на полу и жутковатый внешний вид призрака, ситуация

Им было страшно, но они знали, что, если они будут стоять на одном же месте, ничего не получится. Что нельзя вечно хвататься за привычное, как за спасательный круг.

отдаленно напоминала пролистывание глянцевого журнала в салоне красоты. Тело у Катерины Ивановны было, как и у всех неуспокоившихся привидений, почти материальным и лишь слегка просвечивалось, будто было сделано из тонкого фарфора. Время от времени она улыбалась своими разбитыми губами, и на щеках у нее появлялись ямочки.

– Ну вот так мы и пришли к джинсам, – пояснила наконец Леля, для наглядности дернув себя за штанину. – К ним порой тоже есть вопросы, но в целом они намного удобнее, чем кринолин.

– Magnifique! – выдохнула Катерина Ивановна. Она все еще завороченно смотрела на фотографию разноцветных кроссовок.

– Вот что я хочу вам сказать, Катерина Ивановна, – мягко начала Леля, тоже уставившись на изображение кроссовок.

По ее невидящему взгляду Таня поняла, что Леля очень нервничает. Подошло время самой ответственной части.

– Взгляните, какой путь проделали женщины. От кринолинов и корсетов до туфель на шпильках, широких пиджаков с подплечниками и кожаных портфелей. И мне кажется, в этом прогрессе кроется вся суть человечества. История все время сталкивала людей с испытаниями, поворачивала вспять привычные течения. И наша сила всегда была в том, что мы перед лицом неизвестности умели собрать все силы в кулак и сделать шаг прямоком в эту неизвестность. От начала времен в каждой отдельно взятой жизни могли происходить ужасные вещи – и это несправедливо, жестоко и гадко. Но мы все равно находили в себе мужество идти дальше. Побеждали неизвестное.

Леля оторвала взгляд от книги и посмотрела на Катерину Ивановну, притихшую в кресле. Помолчав немного, Леля тихо продолжила:

– То, что с вами произошло, нечестно и просто ужасно. Вы этого совсем не заслужили, и мне бесконечно жаль, что так вышло. В наши дни вы, наверное, могли бы вовсе не выходить замуж – или развестись. Подать в суд, уехать, жить там, где вам хочется. Пусть в наши дни мир все еще жестокий и неидеальный, но многие вещи совсем другие. Такие, какие вы себе не могли бы вообразить при жизни, даже если бы попытались, верно? И все потому, что люди не боялись идти дальше, хоть и не знали, куда путь заведет их в конечном итоге. Им было страшно, но они знали, что, если они будут стоять на одном же месте, ничего не получится. Что нельзя вечно хвататься за привычное, как за спасательный круг. Что иначе их засосет болото времени, понимаете?

Катерина Ивановна кивнула. Губы ее дрожали.

– Даже если я сегодня уеду ни с чем, дом все равно рано или поздно продадут. Или хуже того – снесут. Люди за пределами этой усадьбы будут рождаться и умирать, паровоз истории будет катиться вперед. А вы так и застрянете здесь, в месте, которое ненавидите, потому что боитесь узнать, что там дальше.

Несколько минут они молчали. Потом Катерина Ивановна вдруг подняла голову на Лелю и хрипло произнесла:

– Пусть срубят абрикос. Все равно плоды нехороши.

– Ладно, – согласилась Леля. – Стало быть, вы готовы, Катерина Ивановна?

Катерина Ивановна моргнула, кивнула головой, а потом сказала Леле:

– У вас такие чистые руки. Люди вечно в дом на руках всякую дрянь тащат. А у вас чистые. Теплые. Смущенная Леля только улыбнулась, а потом вытащила записную книжку и нашла нужную страницу. Медленно и четко она начала читать заклинание.

Голос ее постепенно крепнул, и вместе с ним все ярче становился свет свечей – пока не залил ослепительным сиянием всю комнату. Таня почувствовала, как свет пронизывает ее насквозь, и впервые за долгое время ощутила тепло.

Наконец Леля дочитала, и сияние стало таким ярким, что Таня едва могла различить очертания кресла. Размытый силуэт Катерины Ивановны поднялся в воздух, и вдруг очертания его приобрели резкость – так, что можно было разглядеть каждую складочку на платье. С лица сошли синяки, а рана на шее затянулась кожей. Катерина Ивановна вы-

глядела живой и счастливой, к ее лицу вернулась давно утраченная красота. Она в последний раз улыбнулась, а потом вспыхнула ярким светом и исчезла вместе с золотистым сиянием.

Таня с Лелей остались в непривычно тусклой гостиной вдвоем. Свечи и камин погасли, но теперь сквозь окна сочился бледный утренний свет. Круг, начерченный на полу, вдруг оказался совершенно неуместным в обстановке комнаты.

– Тетя Наташа бы тобой гордилась, Леля, – сказала Таня, чувствуя странную даже по меркам своего бестелесного существования легкость.

Ей казалось, что какой-то пузырь, давно давивший на нее изнутри, наконец лопнул, и ей стало пусто и спокойно. Тепло, которое она почувствовала, когда Леля провожала Катерину Ивановну, все еще пульсировало в ней.

– Спасибо, – смущенно улыбнулась Леля. – Ты же знаешь, что это ты была маминной любимой ученицей.

– Она просто не видела тебя в полном расцвете сил. И не слышала твоей речи сегодня. По-моему, ты на сто процентов готова работать самостоятельно.

Леля не ответила. Улыбка на ее лице увяла. Танины догадки подтвердились. Они наконец-то обе были готовы.

– Если бы не была готова, то не смогла бы так проводить Катерину Ивановну, – как можно мягче продолжила Таня. Несмотря на общее умиротворение, в горле у нее стоял ком.

– Это просто слова... – начала оправдываться Леля. Она попятилась от круга и, словно желая спрятаться, свернулась калачиком на софе.

– Не просто слова, Леля. Я это знаю. Ты это знаешь. Таня подплыла к ней и опустилась на пол у подлокотника. Теперь они с Лелей были лицом к лицу. В свете восходящего солнца Таня могла разглядеть каждую веснушку на Лелином носу.

Леля устало прикрыла глаза и положила голову на подлокотник. Не размыкая век, она сказала глухим голосом:

– «Последние слова», восемь букв. «Прощание», да? – Ты всегда лучше всех помогала мне в кроссвордах.

Они немного помолчали. Потом Леля все так же, с закрытыми глазами, призналась:

– Я бы очень хотела тебя обнять.

– И я тебя, – ответила Таня. – Но не могу. Ты же понимаешь.

– Понимаю, – просто подтвердила Леля и открыла глаза. По щекам у нее текли слезы.

Еще несколько мгновений она просто смотрела на Таню, а потом попросила:

– Побудь со мной, пока я не усну.

Таня улыбнулась.

– Конечно. Я всегда с тобой.

– Знаю, – сказала Леля и закрыла глаза.

За окном все ярче проступали неоспоримые золотистые очертания жизни. Таня медленно растворялась в густом молоке Лелиного сна. Ей было тепло.

